

АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА КОТОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины (Санкт-Петербург, Российской Федерации)
anastakot@gmail.com

К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИИ ЦЕПЕЙ СРАВНЕНИЙ В «ЭНЕИДЕ» ВЕРГИЛИЯ

Рассматривается цепь сравнений как художественный прием. В качестве примера выбраны пассажи из 5-й и 10-й книг «Энеиды» Вергилия: *атакующий Энтелла Дарет – воин, который пытается напасть на укрепление* (V, 439–442), *падающий Энтелл – сосна, которая падает с горы* (V, 446–449), *Энтелл, наносящий удары Дарету – град, бьющий кровли* (V, 455–460); *Мезенций, окруженный тирренцами – скала, которая подвергается влиянию бурь и непогоды* (X, 693–696), *враги, опасающиеся подойти близко к Мезенцию – охотники, которые боятся подойти вплотную к вепрю* (X, 707–718), *Мезенций – лев, враги – серна/олень* (X, 723–729), *Мезенций – Орион* (X, 763–768). Автор анализирует особенности композиций обеих цепей и отмечает некоторое разнообразие моделей их построения: в 5-й книге поэт, последовательно располагая сравнения, готовит читателя к финалу, в 10-й книге завершение выглядит неожиданным: хотя на протяжении всего пассажа читатель утверждается в мысли о победном положении Мезенция, в finale его ожидает удел жертвы.

Ключевые слова: эпос, римская литература, Вергилий, «Энеида», стилистика, сравнения

Сравнения являются неотъемлемой частью стиля эпических поэм. Цель настоящей статьи – выявить особенности использования этого художественного приема на материале узкой группы сравнений, а именно – цепей сравнений, для расширения представлений об авторской манере Вергилия.

Цепью сравнений мы называем пассажи, где несколько сравнений расположены последовательно и связаны между собой¹. Однако не все цепи построены одинаково. Варианты композиции рассмотрим на примере двух цепей: из 5-й и 10-й книг «Энеиды».

В 5-й книге поэмы, где речь идет о поминальных играх по Анхизу, рассказывается о состязании в кулачном бою юноши Дарета и старика Энтелла. Перед тем как разбирать сами сравнения, взглянем на текст, предшествующий цепи (ст. 363–425). Эней приглашает желающих принять участие в состязании и назначает награды. Дарет тут же выходит вперед, при этом он охарактеризован как *vastis cum viribus*² («с безмерными силами», ст. 368). В числе его подвигов – единоборство с Парисом и убийство Бута, сына Амика, на могиле Гектора (ст. 370–374), также о нем говорится *ostenditque umeros latos* («демонстрирует широкие плечи», ст. 376). Никто не решается вступить с Даретом в битву, и ему готовы отдать награду без боя. Тем временем Акест упрекает Энтелла в том, что тот не выходит состязаться с Даретом, и напоминает ему былые заслуги, ведь он: *heroum quondam fortissime* («когда-то храбрейший из героев», ст. 389), и спрашивает: *ubi fama per omnem/Trinacriam et spolia illa tuis pendentia tectis?* («где слава на всю Тринакрию

и памятные доспехи (т. е. доспехи врагов), висящие в твоем доме?», ст. 392–393). Энтелл же оправдывается своим возрастом. Отметим, что в небольшом отрывке (ст. 394–420) три раза подчеркивается его старость (*senecta*, ст. 395; *senior*, ст. 409; *senectus*, ст. 416). После того как Энтелл условился состязаться с Даретом без ремней и снял их, поэт применительно к его телу использует прилагательное *magnus*: *et magnos membrorum artus, magna ossa lacertosque/exhuit* («и крупные суставы конечностей, и крупные kostи плеч обнажил», ст. 422), а затем обобщающе называет его *ingens* («мощный», ст. 423), то есть акцент делается не на том, что Энтелл старый и слабый, а на том, что он крупный и мощный. Вслед за тем говорится, что Эней вынес одинаковые ремни (*caestus aequos*, ст. 424) и обмотал руки обоих равным оружием (*paribus armis*, ст. 425), это подчеркивает, что противники на момент начала состязания находятся в равных условиях. Но в стихах, описывающих начало битвы, снова отмечается некоторое превосходство Дарета (ст. 430–432):

*ille pedum melior motu fretusque iuventa,
hic membris et mole valens; sed tarda trementi
genua labant, vastos quatit aeger anhelitus artus.*

«Один лучше движением ног и полагается на молодость, другой силен мощью тела, но медленные колени дрожат у [него] содрогающегося, одышка сотрясает крупные суставы»³.

Тем не менее Энтелл твердо стоит на ногах и избегает ударов (ст. 437–438):

*stat gravis Entellus nisuque immotus eodem,
corpore tela modo atque oculis vigilantibus exit.*

«Твердо стоит Энтелл и недвижим из-за того же напряжения, только уклоняется от оружия с напряжением в теле и взоре».

Таким образом, в отрывке, предваряющем цепь сравнений, поэт поочередно отмечает сильные стороны то одного, то другого противника, тем самым уравнивая их шансы на успех.

Первое сравнение касается Дарета (ст. 439–442):

ille, velut celsam oppugnat qui molibus⁴ urbem
aut montana sedet circum castella sub armis,
nunc hos, nunc illos aditus, omnemque pererrat
arte locum et variis adsultibus inritus urget.

«Он, словно тот, кто атакует город, возвышающийся укреплениями, или разбивает стоянку с оружием вокруг горных укреплений, то одни, то другие подступы и всякое место хитро обходит и разными натисками тщетно теснит».

Здесь Дарет, атакующий Энтелла, сравнивается с воином, который пытается напасть на укрепление, однако все его действия, несмотря на хитрости и уловки, оказываются тщетными. В этом сравнении два объекта и два образа: *Дарет – воин, Энтелл – город; действия Дарета, как и воина, тщетны: Энтелл, как и город, не сдается.*

Второе сравнение касается Энтелла (ст. 446–449):

Entellus viris in ventum effudit et ultiro
ipse gravis graviterque⁵ ad terram pondere vasto
concidit, ut quondam cava concidit aut Erymantho
aut Ida⁶ in magna radicibus eruta pinus.

«Энтелл попусту истратил силы, и уже сам, всей тяжестью тела, тяжело обрушивается на землю огромной массой, как некогда дуплистая сосна, вырванная с корнями, падает с Эриманфа или Иды высокой».

В этом пассаже падающий на землю Энтелл сравнивается с сосной, которая падает с горы. *Tertium comparationis – внешность героя, то есть он такой большой, как сосна⁷: ранее, как мы помним, уже отмечалось, что он крупный (*magnus*) и мощный (*ingens*). Здесь к Энтеллу применены слова *gravis* и *graviter*, что связывает эти стихи с предыдущим контекстом: в ст. 437, где говорится о том, что герой твердо стоит и избегает ударов, он также назван *gravis*. Позже эта связь окажется важной для исхода битвы.*

Третье сравнение выглядит следующим образом (ст. 455–460):

tum pudor incendit viris et conscientia virtus,
praecipitemque Daren ardens agit aequore toto
nunc dextra ingeminans ictus, nunc ille sinistra.
nec mora nec requies: quam multa grandine nimbi
culminibus crepitant, sic densis ictibus heros
creber utraque manu pulsat versatque Daretia.

«Тогда и стыд, и сознаваемая доблесть разжигают силы, и, воспламенившись, [Энтелл] по всему полю гонит Дарета вперед, то правой рукой повторяя удары, то левой. Нет ни промедления, ни покоя: как частым градом тучи стучат по крышам, так преследующий герой, обеими руками нанося частые удары, бьет и гонит Дарета».

В этом описании Энтелл, поднявшись, нападает на Дарета и, нанося ему удары, которые сравниваются с градом, бьющим кровли, гонит его; таким образом, в этом сравнении, как и в первом в этой цепи, два объекта и два образа: Энтелл – град, Дарет – кровли; в роли победителя выступает Энтелл, в роли жертвы – Дарет, как и в первом сравнении.

В стихах, предшествующих сцене состязания, Вергилий отметил молодую силу Дарета и старческую немощь Энтелла, однако на победу соперники имеют примерно равные шансы. Что касается самой цепи, в первом сравнении Дарет *тищетно* атакует Энтелла, тот в свою очередь не сдается; во втором сравнении Энтелл падает⁸; в третьем – Энтелл наносит Дарету удары. Кроме того, в первом и третьем сравнениях по два объекта и образа сравнения, во втором – один. Как видим, цепь симметрична, и первое сравнение проецируется на третье⁹. В данном случае Вергилий через сравнения последовательно готовит читателя к тому, что в итоге Энтелл окажется в роли победителя, Дарет – в роли жертвы.

Перейдем к пассажу из 10-й книги: в описании боя Энея и его дружины с Мезенцием также есть несколько идущих подряд сравнений, которые образуют собой цепь. Сцена битвы начинается со ст. 689, и почти тут же появляется первое сравнение (ст. 693–696):

ille (velut rupes vastum quae prodit in aequor,
obvia ventorum furiis expostaque ponto,
vix cunctam atque minas perfert caelique marisque
ipsa immota manens¹⁰)...

«Он, подобно скале, которая выдается в обширную водную гладь, подверженная ярости ветров и открытая морю, выдерживает объединенную и грозную мощь неба и моря, сама оставаясь незыблемой».

Здесь Мезенций, окруженный тирренцами, сравнивается со скалой, неколебимой в штурмовом море, то есть можно говорить о двух объектах и образах сравнения: *Мезенций – скала¹¹, тирренцайцы – бурное море*. В «Энеиде» есть похожее сравнение: Латин, окруженный требующими войны латинянами, сопоставляется со скалой в штурмовом море (VII, 585–590):

certatim regis circumstant tecta Latini;
ille velut pelago rupes immota resistit,
ut pelagi rupes magno veniente fragore,
quae sese multis circum latrantibus undis
mole tenet; scopuli neququam et spumea circum
saxa fremunt laterique inlisa refunditur alga.

«Они, состязаясь, окружают дворец царя Латина; он (то есть царь) выдерживает натиск, подобно недвижимой в море скале, словно скала в сильно растущем гуле моря, которая держит себя громадой против многочисленных шумящих волн; напрасно шумят вокруг скалы и покрытые пеной камни, и сбоку оторванные морские травы уносятся назад».

Помимо сходства тематики (*rupes*), наблюдаются и лексические переклички между двумя

сравнениями: *velut – velut; immota – immota; ae-
quor, ponto, maris – pelago, pelagi; perfert – resistit.* Сравнения со скалами в бушующем море акценти-
рируют стойкость царя. Возвращаясь к сравне-
нию *Мезенций – скала*, отметим, что в нем нет
глаголов движения, тем самым, а также с помо-
щью выражения *immota manens* создается впечат-
ление статичности, что усиливает эффект непо-
колебимости и выносливости.

Второе сравнение цепи выглядит так (ст. 707–718):

ac velut ille canum morsu de montibus altis
actus aper, multos Vesulus quem pinifer annos
defendit multosque palus Laurentia silva
pascit harundinea, postquam inter retia ventum est,
substiit infremuitque ferox et inhorruit armos,
nec cuiquam irasci propiusve accedere virtus,
sed iaculis tutisque procul clamoribus instant;
ille autem impavidus partis cunctatur in omnis
dentibus infrendens et tergo decutit hastas:
haud aliter, iustae quibus est Mezentius irae,
non ulli est animus stricto concurrere ferro,
missilibus longe et vasto clamore lacesunt.

«И он, словно вепрь, согнанный с высоких гор уку-
сами собак, которого многие годы защищал поросший
соснами Бузул и [которого] многие годы кормило лав-
рентское болото в поросшем тростником лесу, после
того как попал в сети, останавливается, воинственно
рычит и щетинит загривок; ни у кого [из охотников]
нет храбрости распалиться и подойти ближе, но [они]
бросают в него дротики и кричат издали с безопасно-
го места; он (т. е. вепрь) же бесстрашно не двигается
во все стороны, скрипя зубами, и стряхивает со спины
копья; не иначе и тем, у кого на Мезенция есть спра-
ведливая злоба, не хватает духа напасть, обнажив
меч, и они издалека кидают копья и громко кричат».

В этих стихах враги, опасающиеся приблизить-
ся к Мезенцию, сравниваются с охотниками, ко-
торые не решаются подойти вплотную к вепрю;
то есть здесь два объекта и два образа сравнения: *враги – охотники, Мезенций – вепрь*. Сравнение
статично, что достигается, помимо прочего, за счет
глаголов *substiit* и *cunctatur*; Мезенций, как и вепрь,
стоит, точно вкопанный, причем бесстрашно (*ferox,*
impavidus); он, подобно вепрю, к которому боятся
приблизиться охотники, вызывает страх у своих
противников: они опасаются к нему подступиться,
у них роль жертвы, а у него – победителя.

В третьем пассаже Мезенций сравнивается со
львом (ст. 723–729):

impastus stabula alta leo ceu saepe peragrans
(suadet enim vesana fames), si forte fugacem
conspexit capream aut surgentem in cornua cervum,
gaudet hians immane comasque arrexit et haeret
visceribus super incumbens; lavit improba taeter
ora crux –
sic ruit in densos alacer Mezentius hostis.

«Словно голодный лев, часто рыщущий в высоком
хлеву (ведь неистовый голод движет [им]), если только
увидит быстроногую серну или оленя с возвышающи-
ми рогами, радуется, сильно разевая пасть, подни-
мает гриву и льнет к добыче (досл.: к плоти), налегая
сверху; противная кровь омыает дурную пасть; так
же резвый Мезенций ринулся в гущу врагов».

Здесь можно говорить о двух объектах и двух
образах сравнений: *Мезенций – лев, враги – сер-
на/олень*. В данном пассаже Мезенций, подобно
льву, выступает в роли победителя, тогда как его
враги – в роли жертвы. Это сравнение, в отличие
от двух предыдущих, динамично; этому способ-
ствуют глагольные формы и прилагательные:
*peragrans, vesana, fugacem, gaudet hians, comas
arrexit, haeret, incumbens, ruit, alacer*.

Последнее сравнение цепи выглядит следую-
щим образом (ст. 763–768):

quam magnus Orion,
cum pedes incedit medii per maxima Nerei
stagna viam scindens, umero supereminet undas,
aut summis referens annosam montibus ornum
ingrediturque solo et caput inter nubila condit,
talis se vastis infert Mezentius armis.

«Как большой Орион, когда он, прокладывая
путь, ступает через обширные воды Нерея, возвыша-
ется плечами над волнами или, с высоких гор при-
нося многолетний ясень, ступает по земле, а голову
прячет среди облаков; таким же под огромным щи-
том являет себя Мезенций».

В этих стихах Мезенций сопоставляется
с Орионом, который отличался большим ростом,
так что *tertium comparationis* здесь – внешность
Мезенция: он высокий и крупный¹². Благодаря
глагольным формам *incedit, scindens, referens,*
ingreditur, se infert сцена исключительно дина-
мична, в ней много движения.

Таким образом, в первых трех сравнениях
цепи по два объекта и два образа (*Мезенций –
скала, тиррентици – бурное море; враги – охот-
ники, Мезенций – вепрь; Мезенций – лев, враги –
серна/олень*) и лишь в четвертом сравнении один
объект и один образ (*Мезенций – Орион*), однако
этого достаточно, ведь герой сравнивается с са-
мим Орионом. Обращает внимание то, что один
и тот же герой (Мезенций) выступает объектом
сравнения во всех четырех пассажах. Этим дан-
ной цепи схожа с цепью в пассаже, повествующем
о состязании в кулачном бою Дарета и Энтел-
ла в 5-й книге «Энеиды», где образы и объек-
ты сравнений распределены так: *Дарет – воин,*
Энтелл – город; Энтелл – сосна; Энтелл – град;
Дарет – кровли (то есть Энтелл фигурирует во
всех трех сравнениях)¹³. Однако с точки зрения
соотношения статичного и динамичного цепь
в 10-й книге выглядит симметричной: первые два
сравнения несут идею статичности, третье и чет-
вертое – динамичности. Особенно интересно то,
что, хотя во всех четырех пассажах Мезенций
выступает в роли не жертвы, а победителя, в кон-
це книги он все же терпит поражение: сначала
погибает его сын Лавз, а потом и он сам. Таким
образом, цепи сравнений в «Энеиде» строятся по
разным моделям; если в 5-й книге Вергилий, после-
довательно располагая сравнения, готовит читателя
к финалу, то в 10-й завершение выглядит неожи-
данным: хотя на протяжении всего пассажа чита-
тель утверждается в мысли о победном положе-
нии Мезенция, в finale его ожидает удел жертвы.

Итак, цепи сравнений – это особый способ использования сравнений, отдельный художественный прием. Цепи сравнений появляются в изображении состязаний; как правило, в цепь включается несколько сравнений, когда речь идет о двух героях, которые противостоят друг дру-

гу. Кроме того, для цепей характерно наличие в одном сравнении по два объекта и образа сравнения. Цепи сравнений могут быть по-разному организованы: одни подводят читателя к логическому завершению сцены, другие, наоборот, идут вразрез с финалом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ О подобном явлении писал еще И. Гобза: Гобза И. О. О сравнениях, встречающихся в Энеиде Вергилия. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. С. 37–42.
- ² Здесь и далее текст «Энеиды» приводится по изданию: P. Vergili Maronis Opera / Rec. brevique adnotat. crit. instr. R. A. B. Mynors. Oxonii: E Typographeo Clarendoniano, 1969. XVI. 452 p.
- ³ Здесь и далее цитаты приводятся в моем переводе.
- ⁴ Сервий по поводу этого места пишет: qui molibus urbem amphibolon est: aut celsam molibus, aut quae molibus oppugnatur, то есть или «город высокий благодаря укреплениям (стенам)», или «город, который подвергается атакам осадных орудий». Современные комментаторы чаще связывают molibus с celsam (например, [2: 114]; [5: 128]); Т. Э. Пейдж [4: 421] проводит убедительную параллель между городом, который возвышается своими укреплениями (celsam molibus), и Энтеллом, который mole valens (ст. 431).
- ⁵ Gravis graviterque – латинский аналог гомеровского μέγας μεγαλωστί (Il. XVI, 776); см.: P. Vergili Maronis Opera. <...> ed. reperet. et al. et sua adnotat. illustr. <...> ind. rerum locupl. adiecit A. Forbiger. Pars 2. Aeneidos liber I–VI. Ed. quarta, retractata et valde aucta. Leipzig: Hinrichs, 1873. P. 589; [5: 129]; о μέγας μεγαλωστί подробнее см. [3: 408].
- ⁶ Для Вергилия не редкость вводить в сравнение топонимы. Здесь это Эриманф – гора в Аркадии и Ида – гора на Крите. Подобный прием встречается, например, в Aen. I, 498–504; IV, 141–150, 667–671; VII, 710–721; IX, 25–32; XII, 697–703.
- ⁷ В «Энеиде» есть несколько сравнений с деревьями: циклопы – высокие деревья (дубы или кипарисы) (III, 677–681), Эней – дуб (IV, 441–449), Пандар и Битий – ели (IX, 674) и дубы (IX, 677–682). Как правило, деревья подчеркивают размеры героя или/его стойкость.
- ⁸ Это сравнение лексически (через gravis graviterque) связано с идущими ранее стихами, где говорится о силе и стойкости Энтелла, что отражается в третьем сравнении цепи.
- ⁹ Подобное наблюдаем в цепи сравнений из 12-й книги «Энеиды»; см. подробнее [1].
- ¹⁰ Попутно отметим, что immotus рядом с manet нередко встречается у Вергилия: immota manet (Georg. II, 294); manent immota (Aen. I, 257; III, 447); immota manet в таком же положении в стихе, как в X, 696 – Aen. IV, 449; VII, 314.
- ¹¹ Образ камня в этом месте поэмы усиливается словами saxo и montis (ст. 698).
- ¹² Эта идея поддерживается в ст. 771, где о Мезениусе говорится mole sua stat.
- ¹³ Иначе обстоит дело в цепи сравнений из 12-й книги поэмы, где объекты сравнений чередуются: Турн – камень; Эней – горы; Турн и Эней – быки; Эней – пес, Турн – олень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котова А. В. Цепь сравнений в 12-й книге «Энеиды» // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIX (чтения памяти И. М. Тронского): Материалы междунар. конф., проходившей 22–24 июня 2015 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2015. С. 431–441.
2. Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: an Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970. IX. 156 p.
3. Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV: Books 13–16 / Gen. ed. G. S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XXV. 459 p.
4. The Aeneid of Virgil. Books I–VI / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. First ed. 1894. London; Melbourne; Toronto: Macmillan, 1967. XXIV. 511 p.
5. P. Vergili Maronis Aeneidos liber quintus / Ed. with a Comm. by R. D. Williams. Oxonii: Clarendon Press, 1960. XXX. 219 p.

Kotova A. V., Saint-Petersburg State Academy of Veterinary Medicine (St. Petersburg, Russian Federation)

ON COMPOSITION OF SIMILE CHAINS IN VIRGIL'S "AENEID"

A chain of similes understood as a literary technique is considered in the article. The author examines two types of chains: the first one is in the 5-th book of the “Aeneid” and consists of three similes: *Dares attacking Entellus – someone besieging a city or a mountain fort* (V, 439–442), *Entellus falling down – a pine tree falling on Erymanthus or Ida* (V, 446–449), *Entellus' flurry of blows on Dares – hail that hits roofs* (V, 455–460). The second chain of similes is found in the 10-th book and consists of four similes: *Mezentius surrounded by Tyrrhenians – a rock beaten by wind and waves* (X, 693–696), *foes that are afraid to approach Mezentius – hunters that are afraid of approachin a boar* (X, 707–718), *Mezentius – a lion, his foes – a goat / deer* (X, 723–729), *Mezentius – Orion* (X, 763–768). The author analyzes composition peculiarities of both simile chains and points out to a variety of their models: in the 5-th book, Virgil prepares his readers for the finale by means of simile chains; in the 10-th book, the finale looks rather unexpected. Mezentius is presented as a ‘winner’ in all four similes; in the finale he is posed as a ‘victim’.

Key words: epos, Roman literature, Virgil, Aeneid, stylistics, similes

REFERENCES

1. Kotova A. V. A Series of Similes in the Aeneid XII [Tsep' sravneniy v 12-y knige “Eneidy”]. Indoevropeyskoe jazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XIX (chteniya pamyati I. M. Tronskogo): Materialy mezhdunar. konf., prokhodivshey 22–24 iyunya 2015 g. Edited by N. N. Kazansky. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015. P. 431–441.
2. Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: an Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa: University of Iowa Press, 1970. IX. 156 p.
3. Janko R. The Iliad: A Commentary. Vol. IV: Books 13–16 / Gen. ed. G. S. Kirk. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. XXV. 459 p.
4. The Aeneid of Virgil. Books I–VI / Ed. with Introd. and Notes by T. E. Page. First ed. 1894. London; Melbourne; Toronto: Macmillan, 1967. XXIV. 511 p.
5. P. Vergili Maronis Aeneidos liber quintus / Ed. with a Comm. by R. D. Williams. Oxonii: Clarendon Press, 1960. XXX. 219 p.

Поступила в редакцию 12.08.2016